

рами старых образцов было подтверждено изучением ряда памятников и показаниями позднейших источников;¹ тем более закономерно было обращение к образцу в раннюю пору истории русского зодчества — в XI—XII веках. Первый каменный собор в Суздале действительно был построен при Владимире Мономахе;² В Ростове же существует новый Успенский собор XVI—XVII веков, поставленный, как можно было думать, на древнем основании первоначального храма: он имеет необычный для XVI—XVII веков шестистолпный план, близкий по размерам Печерскому собору. Авторитет епископа Симона, видимо, хорошо знавшего прошлое своей епархии и ее главных храмов, также поднимал доверие к приведенному тексту. Этот текст и стал одним из основных аргументов в системе доказательства огромного значения киевского наследия в развитии культуры и искусства русских княжеств периода феодальной раздробленности. При этом руководящая роль Печерского собора как архитектурного „образца“ распространялась не только на Ростово-Суздальскую Русь, но и на другие княжества, в столицах которых создавались храмы, одноименные Печерскому собору, т. е. посвященные Успению богородицы.³ Действительно, по своему общему типу шестистолпного, трехапсидного храма эти постройки были сродни Печерскому собору, но лишь в самых общих чертах.

Весьма существенно, что сведения, сообщаемые епископом Симоном, не находят себе подтверждения в летописных источниках.

Относительно первого Суздальского собора в летописях нет современной и точной записи под определенным годом о его постройке Мономахом. Об этом мы узнаем лишь из позднейшего текста под 1222 годом о перестройке собора князем Юрием Всеволодовичем: „Великий князь Гюрги заложил церковь каменную святых Богородица в Суждали на первомь месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушиться старостью и верх ея впал бе; та бо церкы создана прадедом его Володимером Мономахом и блаженнымъ епископомъ Ефремом“.⁴ Таким образом, припоминание о постройке Мономаха попало в летопись лишь в связи с разрушением собора в 1222 году, причем, видимо, летописец уже не располагал данными о ее дате; ничего не говорит он и о печерском „образце“, но упоминает об участии в постройке епископа Ефрема. Существенно, что о нем умалчивает текст епископа Симона, назвавший к тому же в качестве строителя собора уже не Мономаха, а его сына Юрия, который был тогда еще маленьким мальчиком при пестуне Георгии Шимоновиче и являлся лишь номинальным князем Ростово-Суздальской земли; упоминание в тексте Симона о том, что суздальская церковь „распадошася“, позволяет датировать „Слово о создании церкви Печерской“ временем не ранее 1222 года и скорее после 1225 года — года окончания нового Суздальского собора, о котором Симон говорит: „юже сам създах“.⁵ Можно также сделать и обратное заключение, что внесение в летопись припоминания об основании Суздальского собора Мономахом было как-то связано с литературным

¹ Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 73 и сл.

² Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

³ Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 268—269. — Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 143 и 341—342.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

⁵ Патерик, стр. 76. — История русской литературы, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 339.